

Неофилология

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

РЕЦЕНЗИЯ REVIEW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 82-95

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-663-672

Итоговая реплика о Замятине: точка или бесконечный диалог? О монографии Л.В. Поляковой «Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника»

Елена Викторовна БОРОДА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ lenavladim@rambler.ru

Аннотация. Статья представляет собой обзорный анализ итогового труда известного замятиноведа. Цель исследования – представить роль данной монографии в современном литературоведении. В соответствии с целью выявлено значение историософского подхода для исследования произведений русской литературы, в частности творчества Евгения Замятина, обоснована целесообразность и универсальность именно такого подхода. Итогом приведённого исследования может служить вывод о значении в истории русской литературы не только названной монографии, но и личности самого исследователя.

Ключевые слова: Евгений Замятин, Л.В. Полякова, историософия, история литературы, литературный процесс

Для цитирования: Борода Е.В. Итоговая реплика о Замятине: точка или бесконечный диалог? О монографии Л.В. Поляковой «Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника» // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 663-672. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-663-672>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The final remark about Zamyatin: point or endless dialogue? About L.V. Polyakova's monograph "Y.I. Zamyatin's Prose: historiosophical searches of the artist"

Elena V. BORODA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ lenavladim@rambler.ru

Abstract. The work is a review analysis of the final work of the famous Zamyatinologist. The purpose of the study is to present the role of this monograph in modern literary criticism. In accordance with the goal, the significance of the historiosophical approach for the study of works of Russian literature, in particular the work of Yevgeny Zamyatin, is revealed, the expediency and universality of just such an approach is substantiated. The result of the above study can be a conclusion about the significance in the history of Russian literature not only of the named monograph, but also of the personality of the researcher himself.

Keywords: Yevgeny Zamyatin, L.V. Polyakova, historiosophy, literary history, literary process

For citation: Boroda E.V. Itogovaya replika o Zamyatine: tochka ili beskonechnyy dialog? O monografii L.V. Polyakovoy «Proza E.I. Zamyatina: istoriosofskiye iskaniya khudozhnika» [The final remark about Zamyatin: point or endless dialogue? About L.V. Polyakova's monograph "Y.I. Zamyatin's Prose: historiosophical searches of the artist"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 663-672. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-663-672> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Появление в научном мире объёмного обобщающего исследования – это всегда событие. Тем более когда обобщение вырисовывается не конечной точкой, а многоточием, а ещё лучше – знаком вопроса, призывом к обсуждению. Именно такова вышедшая весной 2022 года в Тамбове монография известного учёного, замятиноведа, доктора филологических наук, профессора Ларисы Васильевны Поляковой «Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника». Издание такого характера и подобного масштаба делает честь и Издательскому дому «Державинский», выпустившему монографию в свет, и Тамбовскому государственному университету им. Г.Р. Державина, тамбовской литературоведческой школе и замятиноведению в целом.

Известно, что уже в конце мая, при поступлении монографии в Научную библи-

отеку Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, она была зарегистрирована в фондах Фундаментальной библиотеки (интеллектуального центра этого вуза и России), внесена в бумажный и электронный каталоги. И сразу посыпались живые отклики. «Труд мощный, монументальный», «многотомная эпопея, собранная в одну книгу», «путеводитель по замятиноведению», «летопись литературоведческого бытования Евгения Ивановича» (проф. А.И. Ванюков, проф. М.А. Хатямова, проф. Н.Н. Комлик) – во всех этих восторженных эпитетах отражено общее впечатление об исследовании, ставящее его в разряд фундаментальных.

В монографии Л.В. Поляковой удивительным образом сочетаются точность оценки творческого наследия Евгения Замятина, его художественной системы, достижений и

поисков писателя, – с необыкновенно глубоким, внутренним, личным отношением не только к образу художника, но и к литературным процессам, в которые он был вовлечён. Но назвать это субъективной оценкой нельзя: очень мощная доказательная база. Л.В. Полякова вообще отличается пунктуальностью и скрупулёзностью в цитировании источников, исследовательских, публицистических или художественных. Так, безусловно, проявляется чувство ответственности учёного перед читателями и перед теми, кто процитирован.

Призыв к полемике – ещё одна черта творческого почерка профессора Поляковой. Её труды, в том числе и названный, – всегда приглашение к обсуждению проблем, отвечающее глубинному стремлению учёного к поиску истины в открывающихся тайнах творчества такого сложного и многогранного писателя, как Замятин. Каждая глава монографии, каждый параграф – не просто концепция на проблеме, не просто констатация фактов или обозначения «болевых точек» – но демонстрация живой мысли. Не иллюстрация процесса рассуждения, а сам процесс!

Поэтому данная статья – принятое приглашение к разговору, попытка порассуждать в русле предложенной автором концепции историософии. К тому же размышления Л.В. Поляковой оказываются необыкновенно своевременными именно сегодня, в 2022 году, когда наша культура находится в ситуации очередного переосмысления. Но об этом чуть ниже.

В оценке труда, посвящённого историософским исканиям Замятина, пожалуй, стоит отталкиваться от понимания сущности историософии самого автора монографии. Историософия, или философия истории, связана с понятием смысла. Смысла истории, смысла существования человека и человечества. Поэтому взаимосвязи, закономерности, духовно-нравственная сущность происходящего, пути реализации человеческих стремлений веками воплощаются в мыслях философов и в художественных образах творчески одарённых людей.

Соответственно, историософский подход интересен как раз расширением контекста. Художественное произведение рассматривается не в замкнутой системе эстетических

критериев, которые, кстати говоря, во многом условны, а в живой связи с историческими процессами. Это и повод обнаружить взаимовлияние литературы и истории, и возможность проверить жизнеспособность произведения и самого автора.

Личность Замятина рассматривается Л.В. Поляковой в горизонтальной проекции (во взаимодействии с современниками, по отношению к историческим событиям своей эпохи, к насыщенному литературному процессу), в вертикальной проекции (которую иллюстрирует творческая и духовная эволюция писателя), а также во временной протяжённости (а это уже проекция замятинских идей и поисков на литературу и культуру последующих годов). Такой «трёхмерный» подход можно считать определяющим и по отношению к творческой личности самого автора монографии.

Потому что здесь не один уровень полемики. Автор приглашает к обсуждению современных учёных, исследователей – и в то же время населяет проблемное поле замятинских дискуссий современниками писателя и его предшественниками. Замятин и Блок, Замятин и Бердяев, Замятин и Достоевский, Замятин и Розанов, Замятин и Салтыков-Щедрин, Замятин и Гоголь, Замятин и Шпенглер, Ясперс, Франс, Уэллс и т. д. В результате мы получаем многоуровневый полилог, который тоже становится иллюстрацией историософского подхода к изучению литературы.

Впрочем, диалог с современниками у Замятина часто преодолевает «горизонтальность» и приобретает характер надмирный, эпохальный. Таков диалог с Блоком, освещённый автором во всех его нюансах, на протяжении светлых и мучительных периодов, со всеми точками расхождения и соприкосновения.

В трёхмерной системе координат, заданной автором монографии, фигура Замятина выглядит поистине объёмной и монументальной. «И сегодня писатель воспринимается как во многом фигура знаковая, объединяющая, даже, казалось бы, непримиримых реалистов и модернистов, славянофилов и западников. В разные годы он отмечен во всех потоках отечественной литературы: творил в руслах сложнейших поисков лите-

ратуры «серебряного века» и литературы «советской», принадлежал к культуре «русского зарубежья». В его творчестве продиагностированы катастрофические перипетии бытия человечества и русской жизни, сфокусированы многие особенности искусства не только первой трети, но и в перспективе – всего «страшного» XX столетия, по Блоку, всех «разрушенных рубежей», «неслыханных перемен», «невиданных мятежей», – «века возмездия» [1, с. 9], – отмечает Л.В. Полякова в первой части монографии, посвящённой проблемно-теоретическому аспекту исследования.

Здесь обобщение всего накопленного за долгие годы материала по изучению творческого наследия Замятина, и это не мёртвый, покрытый благородной пылью багаж, а нейронная сеть, пульсирующая живой мыслью, взрывающаяся новыми идеями и способная к саморазвитию.

Вернёмся к историософии. Познание – взаимосвязь – прогнозирование. Вот, кажется, три точки опоры, на которых базируется авторское понимание историософии, которая есть «онтологическая модель познания, восприятие, осмысление, толкование исторических явлений с определённых мировоззренческих, миромоделирующих позиций. Целеполагающий характер историософской парадигмы предполагает обращение ко многим сторонам жизни человека и их результатам, ориентирует на познание и прогнозирование перспектив развития» [1, с. 157]. В свою очередь это понимание тесно связано с предшествующим опытом историков, философов, культурологов, искусствоведов.

Проблема русской историософии к тому же связана с судьбой России. Не отдельной личности, а страны в целом. Россия у многих связана не с понятием государства, а с культурным наследием. Или с народом. Или с историческим прошлым. Или с мессианским будущим. То есть, с одной стороны, мы видим неразрывную связь личности и народа. С другой – народа (вместе с личностью) и исторической судьбы (вместе с прошлым, настоящим и будущим). Такое усиление взаимосвязи делает совершенно невозможным замкнуто-персонифицированный подход к творчеству художника.

Но ведь и Замятин, по глубокому убеждению автора монографии, несмотря на свой «английский» облик и европейскую образованность, связан именно с русской культурой, русской почвой, самой глубинной и потаённой. Да, можно воспринимать условно обозначенный «верхний слой» его произведений. Но, читая Замятина таким образом, мы многое потеряем. Точнее, многого, очень многого не приобретём. Вот почему художественная система писателя рассматривается Поляковой в тесном взаимодействии с концептосферой. Понимание эволюции, энтропии, революции, рождения, смерти, да и менее масштабных понятий у Замятина неизбежно переплетены с ощущением русской души, архетипическим сознанием национального характера. Движение как бесконечная скачка по степи, рождение как безусловное стремление к продолжению жизни, любовь как самоотречение – эти и другие понятия раскрываются в его текстах именно так, как это свойственно русскому человеку, поэтому «скифов».

В соответствии с этой концепцией в монографии рассмотрены почти все знаковые замятинские произведения: повести «Уездное» и «На куличках», «Рассказ о самом главном», петербургский цикл «Пещера», «Мамай», «Дракон», повесть «Наводнение» и рассказ «Чрево», «английские» повести «Островитяне» и «Ловец человеков» и, разумеется, роман «Мы».

Многоуровневость, культурную универсальность индивидуального стиля Замятина важно осознавать именно сегодня, когда снова, в очередной раз, обостряется вопрос национального самосознания и общественное мнение колеблется между противоположными полюсами. На одном из них преклонение перед чужой культурой доходит до фактического отречения от своей, на другом – ложное понимание патриотизма перерастает в отрицание любой культуры, кроме своей.

Историософский подход к изучению творчества Замятина закономерен именно по той причине, что ни одно произведение писателя нельзя рассматривать вне его связи – с историей, с проблемами человечества и отдельной личности, духовным наследием и судьбами цивилизации.

Произведения Замятина прежде всего – о человеке, и в этом смысле писатель цементирует связь временнУю, традиционную, потому что русская литература антропоцентрична. Об этом писал ещё Достоевский: «Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь разгадывать её всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [2, с. 63]. Об этом рассуждал Бердяев, настаивая на том, что «наступает пора писать оправдание человека – антроподицею. Быть может, антроподицея есть единственный путь к теодицее, единственный не изжитый и не исчерпанный путь» [3, с. 5].

По Замятину, если история будет развиваться в направлении всё большей потери индивидуальности, человечество зайдёт в тупик. То же самое относится к социуму: если ему угоднее «нумера», а не личности, то его удел – энтропия. Потому что только в бесконечном столкновении противоположностей, в борьбе, отрицании, революции духа – и заключается жизнь. Именно поэтому, утверждает Л.В. Полякова, «литературные герои Замятина формируют себя через утверждение своей индивидуальности, пусть чаще всего и не осознанное, но непременно влияющее на всю окружающую реальность, в том числе не только на отвлечённо событийную, но и на конкретно историческую» [1, с. 53].

Крупная личность всегда рассматривается во взаимосвязи с эпохой, не только с настоящим временем, но и с предшествующим. Она аккумулирует достижения предыдущего периода, в какой-то мере оформляет его итог. По-настоящему значимая фигура – обычно та, которую мы потом называем классиком, – ещё и обладает чутьём по отношению к будущему, улавливая и отражая тенденции, которые разовьются годами позже.

Но отдельная личность, каким бы творческим потенциалом она ни обладала, не способна выстроить эти дороги в одиночку. Её сила – в открытости и восприимчивости, в способности осмысливать пережитый опыт и трансформировать его в художественных образах.

Такое понимание перекликается с воззрением А. Веселовского: «Великий человек остаётся в центре всего, видимою для глаза

связью, хотя бы на это место поставило его не содержание его деятельности, собравшей в себе все лучи современного развития, а часто риторический расчёт современного исследователя на то внешнее впечатление единства, какое производит на нас известное имя... к великому человеку сходятся, в нём резюмируются все пути развития, от него расходятся все влияния, подобно тому, как в саду, распланированном во вкусе XVIII столетия, все аллеи сведены веером или радиусами к дворцу или какому-нибудь псевдоклассическому памятнику, причём всегда оказывается, что памятник всё же не отовсюду виден, либо неудачно освещён, или не таков, чтобы стоять ему на центральной площадке хорошо распланированного сада, в перспективах во все стороны» [4, с. 34-35].

К этой мысли Л.В. Полякова возвращается не один раз, подчёркивая целесообразность историко-генетического подхода, в особенности при обращении к художнику, чьё творчество вырастает на почве национальной, народной.

Это очень симптоматично – но историко-генетически принцип в какой-то мере перекликается с идеей самого Замятина о непрерывной цепи революций: прошлое умирает, напитав жизненными соками своего преемника, тот, в свою очередь, даёт жизнь новому и уступает ему место – и всё повторяется. Таково же развитие культуры.

Замятин, правда, считал уход окончательным, а он, скорее, происходит по принципу «нет, весь я не умру»: творчество по-настоящему крупного художника становится не просто питательной почвой, но уходит в сферу ресурса, невыработанного материала, не прожитой до конца традицией, которой ещё предстоит возродиться, но уже в новом историко-литературном контексте.

Смысл изучения литературы определённого периода – не в фиксации явления и документальном свидетельстве, а в осмыслении того, что предшествовало данному периоду и явлению, в проработке механизмов, которые привели к искомому. Исследовать не явление, а его истоки – в том числе в этом состоит сущность историсофского подхода, намеченного учёным. Таким образом оказываются связанными не только потоки одного ряда, но и волны соседствующих сфер перемеще-

ваются и обмениваются энергией. История и литература, например. Литература и живопись. Литература и социальные процессы.

Раздел монографии, посвящённый взаимоотношенности исторического и культурного процессов, так и называется: «Историческая философия в лабиринте литературоведения. Полемика». И в нём литературоведение и философия истории вынесены в контекст поиска свободы и осмысления судьбы России. Вопросы самые что ни на есть полемические. И, пожалуй, неразрешимые. Каков исторический путь России? Её грядущий путь? Что вообще есть Россия: государство, власть, культура, народ? В преддверии социальных катаклизмов XX века творчество Замятина становится одним из путей постижения этих вопросов.

Ещё более болезненна проблема свободы. Когда речь идёт об ограничении свободы, в нашем представлении оживают образы исторических тиранов, воплощающих тип Благодетеля. Замятин один из первых говорит о том, что ущербность общества в отношении свободы – явление обоюдоострое. Тиранин ограничивает свободу – а народ, в большинстве своём, готов от неё отказаться. Профессор Полякова опирается на наблюдение Г. Федотова: «Мы привыкли ждать угроз для свободы от королей, стремящихся к самодержавию, от генералов, идущих на захват власти... Опасность пришла не с той стороны, откуда её ждали. Свободу разрушает восставший в разных революциях, под разными знамёнами народ, отдающий свою волю, свою совесть и душу в руки врагов свободы» [5, с. 300].

Но данная цитата – это иллюстрация мощной и детально проработанной концепции Замятина относительно «благодетельного ига». Концепции неутешительной для нашего самолюбия, конечно.

Человека нельзя рассматривать в отрыве от свободы. Свобода существования и свобода выбора составляют ядро зрелой личности. И оно непостижимо и иррационально. Оно не может измеряться никакой системой, иначе от свободы здесь ничего не останется. Мысль, которую Замятин противопоставляет рационализму грядущей эпохи (а заодно всем существующим на тот момент рациональным теориям) – мысль о том, что чело-

век постигает мир во многом интуитивно, опытным путём, посредством озарения, через бытие и природное начало.

Исследователь связывает открытия Замятина в том числе с философией Ясперса. То, что мыслитель излагает в своих трудах, у Замятина выражено в художественных образах.

У Ясперса есть понятие «осевого времени». Это экзистенциальное понятие, раскрывающее суть критической, пограничной ситуации, только не для отдельного человека, а для человечества в целом. Именно в период «осевого времени» рождаются новые учения, новые религии. А ещё понятие «осевого времени» соотносится с замятинской теорией скифства. Очень возможно, что мы сейчас переживаем период радикальных перемен.

Размышления о связи личности и эпохи именно сейчас – это ещё и осмысление связей – истинных и мнимых. И в этом свете нельзя не упомянуть цифровое информационное поле, которое тоже демонстрирует определённого рода связи. Но насколько они прочны? Способны ли они стать удобренной почвой? Или это иллюзорные нити виртуальной паутины? А личность? Подлинная она в этом поле или мнимая, «фейковая»?

Примечательно то, что мы, читатели XXI века, имеем возможность проверить, чем обернулись глобальные проекты Благодетелей прошлого столетия. Они же имели практическое воплощение. И, к слову, понимание личности, проблемы унификации общества (не менее болезненный вопрос, сопряжённый с проблемой свободы) получило практическое подтверждение. Его можно выразить словами Б.Н. Стругацкого, косвенным образом впитавшего замятинские идеи: человек не потерял индивидуальность, он стал лживым человеком, дурным человеком.

Проблема коммуникации личности и государства выступает у Замятина отнюдь не в рамках истории. Эта проблема скорее над-исторична, даже, если угодно, религиозна. И суть её в том, что личность может комфортно существовать в системе государства только при условии, что её воля не вступает в противоречие с механизмом общественным. Государство – необходимый, но вынужденный компромисс между личностью и государством, компромисс между людьми. Предосте-

регая от излишней политизированности восприятия замятинского творчества, прежде всего, конечно, романа «Мы», Л.В. Полякова опирается на мысли самого писателя, который утверждал: «Этот роман – сигнал об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства – всё равно какого» [6, с. 540], а также на биографию Замятина, подчёркивая, что художник подвергался порицанию не только в советские годы, но и в дореволюционный период. За публикацию, например, повести «На куличках», в которой увидели клевету на царскую армию. А значит, Замятин выступает у Поляковой фигурой не оппозиционной, а революционной, вечно бунтующей, сомневающейся, неудовлетворённой. Скифствующей.

Духовная «вертикаль», таким образом, выхватывает писателя из упорядоченного исторического потока, но не выносит за скобки, а, напротив, интегрирует ключевые, смыслообразующие идеи его творчества в процесс последующих временных отрезков. Вот почему в авторской концепции историософии так важна оппозиция временного и вечного.

Временное – отражено в сиюминутной оценке, которая всегда поверхностна. Это та «рябь», которая в образной системе автора монографии соотносится с литературным процессом. Ну, и не только с литературным. Однако эта самая «рябь» вполне способна сформировать обывателя, повлиять на общественное мнение, оказать воздействие на формирование поколения. И совсем не случайно Л.В. Полякова вспоминает цветаевский образ «Читателя газет»:

Газет – читай: клевет,
Газет – читай: растрат,
Что ни столбец – навет,
Что ни абзац – отврат...

Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители кровей,
Писатели газет!

Сегодня, когда очевидно, что информационная война – не менее яростное поле битвы, чем реальная схватка, можно убедиться, что действительно –

Гуттенбергов пресс
Страшней, чем Шварцев прах.

«Гуттенбергов» – или «Цуккербергов», если говорить о нашем времени – пресс по-прежнему силён в формировании «мы». Однако в категории ценностей есть ещё и «вечное». «На литературный процесс можно влиять, ускорять его, замедлять, менять направление. Останавливать. Здесь особенно преуспели политики. История же литературы как история художественных открытий, их взаимосвязи и взаимообусловленности во времени не подвержена никаким влияниям, кроме одного – феномена творца» [1, с. 192]. Это очень актуальная реплика именно для сегодняшнего дня. И не только по причине неистовых информационных войн.

В литературных и окололитературных кругах стало возможным говорить о так называемой «отмене русской культуры» (другое слово – кэнселинг, звучащее саркастично и акцентирующее внимание на чужеродности подобного процесса). Суть её (если совсем без тонкостей) сводится к тому, что литературное наследие прошлого оказывается бессильным при решении острых и трагических проблем современности, следовательно, оно требует переоценки и разрешения сомнения в его безусловной ценности¹.

Эта дискуссия, несмотря на острейшую злободневность, безусловно, тянется корнями в бесконечные споры западников и славянофилов, пространные рассуждения евразийцев и богатую художественную традицию. Здесь наработан колоссальнейший опыт. И нынешняя полемика вокруг «русской идеи» и «имперских притязаний», думается, представляет собой очередную попытку манипуляции именами писателей, составляющих гордость нашей культуры. С другой стороны, сопротивление «кэнселингу» пере-

¹ См. об этом: Жучкова А. О том, как кэнселировать русскую литературу // Вопросы литературы. 2022. 19 июня. URL: <https://voplit.ru/column-post/o-tom-kak-kenselit-russkuyu-literaturu-by-galina-yuzefovich/>; Татаринов А. О борьбе с русским Вергилием // Вопросы литературы. 2022. 25 июля. URL: <https://voplit.ru/2022/07/25/o-borbe-s-russkim-vergiliem/?-ysclid=16knaoq3r2256634226>; Хлебников М. О кукольных персонажах на пальце Стивена Кинга // Вопросы литературы. 2022. 07 авг. URL: <https://voplit.ru/-2022/08/07/o-kukolnyh-personazhah-napaltse-stivena-kin-ga/> (дата обращения: 11.08.2022).

растает в отрицание эволюционного выхода из парадигмы предыдущей литературоведческой традиции, который, по сути, закономерен. Так нельзя. Но попытки изменить русло естественного развития литературы всегда были и будут. Это то, от чего предостерегает автор монографии: «Насильственное вторжение в историю литературы и надругательство над её не просто составляющими, а аккумулятивными органами жизнедеятельности ведёт к национальной катастрофе, к деградации искусства, по природе своей способного не только выразить состояние нации, народа, общества, личности, но и повлиять на него» [1, с. 193].

И речь уже не только о Замятине, но и о судьбе русской литературы в целом. История литературы – процесс подвижный, хотя и зафиксированный – документально, фактически, текстуально и т. д. Это порождает новые проблемы. В частности, проблему разграничения литературного процесса и истории литературы. Нагляднее всего различие этих двух понятий представлено у Поляковой весьма образно: «История литературы со сменой её эпох – это глубинное подчас спрятанное от простого взгляда течение, где формируется фундамент национального искусства, где выкристаллизовывается проповедческая и пророческая его миссия, определяются нравственные заповеди, передающиеся от поколения к поколению как традиции или корректирующиеся поколениями. Ценности этого литературного пласта непреходящи. В нём нет зеркального, напрямую, отображения современности. Литературный же процесс – это поверхностный слой, который реагирует на малейшее дуновение ветра. Его движение, как правило, стремительно, а на поверхность выносятся пена, оставляющая свою мету лишь на короткий период времени» [1, с. 191].

Хотя, признаем, знаменитый замятинский образ «матроса на мачте» – тоже прекрасная иллюстрация, демонстрирующая дифференциацию писателя – и Писателя, литературного процесса и истории литературы.

Замятинская горизонталь, вписывающая его в контекст сначала национальной, а затем и европейской культуры, дотягивается до наших дней, побуждая в очередной раз осмыслить другую дифференциацию того же

уровня, а именно понятия культуры и цивилизации. Начиная с творческого диалога между Замятиным и Шпенглером, Ницше, Ясперсом, русскими философами Бердяевым, Леонтьевым, Данилевским – постижение культуры и цивилизации сопоставимо с замятинской теорией энтропии. В самом деле, окостенение, мумификация, превращение подвижной мысли в догму, дыхания жизни – в букву закона – это и есть признаки старения, овеществления культурного поиска, превращение его в «достижение цивилизации». То, что Замятин обозначал ёмким понятием «энтропия».

В монографии Л.В. Поляковой присутствует образное сравнение культуры – с живым организмом, произрастающим из благодатной почвы, а цивилизации – с механизмом, который трансформировался из этого организма. Почему эти размышления своевременны именно сегодня? Да потому что мы наблюдаем эту трансформацию, по крайней мере, во многих сферах жизни. Эпоха глобальных открытий вырождается в эпоху развития технологий. Вдохновение заменяется алгоритмом. Вместо катарсиса – культура потребления. Даже в области литературы – «писательское мастерство» и «техника создания бестселлера». Разумеется, вдохновение и творчество ничем не заменишь, но книг, созданных при помощи рабочих схем и алгоритмов, становится всё больше.

Но это не всё. Размыты границы между «организмом» и «механизмом». Работ превращается в андроида, которого с первого раза не отличить от человека. Мы не всегда видим разницу между перформансом и подлинным творческим актом. Да, это наше время. Кто-то усматривает в нём «последние времена» и антихристову подмену понятий. А кому-то видится грядущий новый виток – тоже, кстати, схема, предложенная Замятиным.

Итак, определение роли Замятина в оценке Л.В. Поляковой сводится к тому, что художник является центральной фигурой полемики – и эпохальной, и исследовательской. По сути, такая оценка становится прямым доказательством принадлежности Замятина к разряду классиков. Хотя сейчас, кажется, это уже не нужно доказывать. Тем не менее: классик, с одной стороны, со временем не только не устаревает, но раскрывается

полнее и глубже в новом контексте; с другой – непременно является детищем своей эпохи.

Историософский подход на данном этапе развития литературоведения и, что важнее, по отношению к современному литературному процессу, позволяет напомнить о том, что художественное произведение – разумеется, выстроенное, выношенное, содержательное и зрелое – это не просто «текст», не совокупность «знаков», не «продукт», а сложнейшее образование, целостное, но не замкнутое, позволяющее судить о личности творца, признаках эпохи и многочисленных культурных связях. «Историософская проблематика в литературоведческом труде предполагает обращение не только к широкому собственно историософскому, но и общепhilosophическому, историческому, социальному, историко-литературному, литературно-теоретическому, культурологическому контекстам в их общесмысловой сложности и многоуровневом взаимодействии, во взаимообусловленности авторской аксиологии и авторского онтологизма и антропоцентризма» [1, с. 60], – так пишет об этом сама Л.В. Полякова.

Вообще история литературы в освещении автора монографии выглядит как территория полемики, где не может быть единой истины и раз навсегда установившегося суждения. Это так по-замятински! Вспомним, как страстно протестовал писатель против

окаменелости мысли, против догматизации. Поэтому в разговоре о творчестве Замятина Л.В. Полякова настойчиво предостерегает от излишне политизированной оценки его наследия. И вообще от оценки! Потому что Замятин больше спрашивает, чем утверждает, скорее задаёт вектор, прокладывает путь, указывает направление, нежели огораживает территорию, намертво вбивая колья незыблемых сентенций.

«Отзвуки бурных серьёзных обсуждений тех лет слышны в научной среде российских гуманитариев и сегодня, особенно когда речь заходит об истории национальной и мировой культуры, её периодизации, исторических концепциях, конкретных характеристиках и творческих персоналиях. Очень часто, к сожалению, не учитывается именно дискуссионный характер проблематики, и гипотеза столетней давности в наши дни иногда превращается в догму [в обоих случаях выделено нами. – Е. Б.]» [1, с. 132], – замечает исследователь. А ведь это очень серьёзное наблюдение! Прошлое для нас стабильно, потому что оно свершилось. Оттого любое явление прошлого кажется нам незыблемым, неподвижным – как насекомое, застывшее в янтаре. А ведь оно столь же подвижно и противоречиво, сколь и современный литературный процесс. Просто, находясь в потоке, нельзя увидеть, куда нас вынесет течение реки.

Список источников

1. Полякова Л.В. Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника. Тамбов: Изд. дом «Дерзавинский», 2022. 748 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собр. соч.: в 30 т. Л.: Изд-во «Наука», 1985. Т. 28. Кн. 1. Письма. 308 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: АСТ, 2004. 678 с.
4. Веселовский А.Н. О методах и задачах истории литературы как науки (Вступительная лекция в курс истории всеобщей литературы, читанная в С.-Петербургском университете 5 октября 1870 г.) // Веселовский А.Н. Историческая поэтика / вступ. ст. И.К. Горский; сост., коммент. В.В. Мочалова. М.: Высшая школа, 1989. 383 с.
5. Федотов Г.П. Лицо России. Статьи 1918–1930 гг. 2-е изд. Париж: YMCA-Press, 1988. 330 с.
6. Замятин Е.И. Сочинения / сост. Т.В. Громова, М.О. Чудакова; авт. послесл. М. Чудакова. М.: Книга, 1988. 574 с.

References

1. Polyakova L.V. *Proza E.I. Zamyatina: istoriosofskiye iskaniya khudozhnika* [Y.I. Zamyatin's Prose: Historiosophical Searches of the Artist]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2022, 748 p. (In Russian).
2. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.]. Leningrad, "Nauka" Publ., 1985, vol. 28, bk 1. Letters, 308 p. (In Russian).

3. Berdyayev N.A. *Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [The Meaning of Creativity. The Experience of Human Justification]. Moscow, AST Publ., 2004, 678 p. (In Russian).
4. Veselovskiy A.N. O metodakh i zadachakh istorii literatury kak nauki (Vstupitel'naya leksiya v kurs istorii vseobshchey literatury, chitannaya v S.-Peterburgskom universitete 5 oktyabrya 1870 g.) [On the methods and tasks of the history of literature as a science (introductory lecture to the course on the history of general literature delivered at Saint Petersburg University on October 5, 1870)]. In: Veselovskiy A.N. *Istoriicheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989, 383 p. (In Russian).
5. Fedotov G.P. *Litso Rossii. Stat'i 1918–1930 gg.* [The Face of Russia. Articles 1918–1930]. Paris, YMCA-Press, 1988, 330 p. (In Russian).
6. Zamyatin E.I. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Kniga Publ., 1988, 574 p. (In Russian).

Информация об авторе

Борода Елена Викторовна, доктор филологических наук, доцент кафедры профильной довузовской подготовки отделения допрофессионального образования педагогического института, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-7790-699X](https://orcid.org/0000-0002-7790-699X), lenavladim@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.08.2022
Принята к публикации 16.09.2022

Information about the author

Elena V. Boroda, Doctor of Philology, Associate Professor of Profile Pre-University Training Department of Pre-Professional Education Division of Pedagogical Institute, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-7790-699X](https://orcid.org/0000-0002-7790-699X), lenavladim@rambler.ru

The article was submitted 12.08.2022
Accepted for publication 16.09.2022